

ОСНОВЫ РЕАЛИЗМА

Философский трактат об общих и необходимых
понятиях опыта

Алоис Риль

Алоис Риль

**Основы реализма.
Философский трактат об общих
и необходимых понятиях опыта**

«Издательские решения»

Риль А.

Основы реализма. Философский трактат об общих и необходимых понятиях опыта / А. Риль — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-608882-5

В своей работе «Основы реализма» Алоис Риль, в полном противоречии с Марбургской школой, считает мысленное творение природы не структурой, свободно парящей в воздухе, а представлением объективной реальности, существующей независимо от нас. Чувственные восприятия являются признаками ее существования.

ISBN 978-5-00-608882-5

© Риль А.
© Издательские решения

Содержание

Алоис Риль	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Основы реализма Философский трактат об общих и необходимых понятиях опыта

Алоис Риль

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Алоис Риль, 2024

© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2024

ISBN 978-5-0060-8882-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Алоис Риэль

Алоис Риэль умер в возрасте 81 года в своем загородном имении в Нойбабельсберге, где он ушел на покой, не полностью отказавшись от преподавательской деятельности. Незадолго до этого в книжных магазинах появился том его работ под названием «Философские исследования четырех десятилетий» (Philosophische Studien aus vier Jahrzehnten). Предисловие к нему датировано сентябрем 1924 года и написано всего за два месяца до его смерти. Том содержит серию хронологически упорядоченных статей, начиная с 1870 года. Большинство из них знакомы тем, кто работает в этой области. Лишь в конце помещены некоторые более популярные работы, две из которых, насколько мне известно, ранее не печатались, включая речь, произнесенную Рихелем в Принстоне незадолго до войны о «призвании философии в настоящем». Я хочу сослаться на нее, чтобы сказать, кем был этот человек, ушедший от нас навсегда.

Речь Риэля начинается со следующих слов, где я подчеркиваю некоторые слова, выделяя их курсивом, так как они являются наиболее важными:

«Философское движение наших дней началось в последней третьей половине прошлого века с возобновления и все более глубокого изучения Канта. После неудачного натурфилософского приключения философия пришла, как бы к себе самой, выражаясь словами Гельмгольца: вернулась на здоровую почву Канта. На этой почве она попыталась вновь осмыслить себя.»

Затем Риэль продолжает:

«Тем временем естественные науки, со своей стороны, пришли к открытиям и взглядам, имеющим философское значение.»

Здесь, прежде всего, следует вспомнить о сохранении энергии как о принципе, «который впервые позволил объединить все разделы физики в единую систему», и далее – о применении идеи развития к изучению органической природы, к учению о происхождении видов. Далее он продолжает:

«По мере того как наука стала все более точной, она вместе с тем стала осознавать условность своих задач»,

ссылаясь на «Пределы познания природы» Дюбуа-Реймона, и, наконец, мы слышим:

«Между естествознанием, ставшим критическим, и философией, сделавшей своей важнейшей задачей исследование источников знания и определение его границ, состоялось сближение, которое вскоре превратилось в союз. Наука и философия, две силы, которые долгое время были разделены и враждовали, не только примирились, но и вступили в своего рода личный союз.»

В этих фразах Риэль, естественно, имеет в виду философское движение, известное как неокантианство, которое для него было «научной» философией его времени, то есть современности. В то же время он подчеркивает в нем тот фактор, для создания которого он сам приобрел наибольшее значение: последующее развитие мира мысли Канта, оРиентированного, с одной стороны, на естественные науки, а с другой – на «реализм». Что означает неокантианство в целом и какую роль в нем сыграл Риэль в частности? Первый вопрос мы имеем основания задать себе уже после смерти Риэля. С этим одинаково ярким и острым, а также глубоким духом ушел из жизни последний из группы людей, которых можно назвать неокантианцами и имеющих наибольшее значение для развития современной научной философии.

Иногда название «неокантианство» используется неправильно. Оно включает в себя тех мыслителей, которые не хотят идти дальше открытий, сделанных Кантом в области философии. Таким образом, слово неокантианец теряет свой лаконичный смысл. В строгом смысле слова неокантианцами следует называть только тех, кто привнес что-то новое, кто, как говорит Риэль, стремился осмыслить философию вне себя через обновленное и углубленное изучение Канта и тем самым действительно вывел ее за пределы уже достигнутого уровня. К ним следует

отнести Отто Либманна, Ф. А. Ланге, но особенно Германна Кохена, Вильгельма Виндельбанда и Пауля Наторпа. О них, конечно, нельзя сказать, что они остались простыми «кантианцами». Напротив, они отчасти дистанцировались от Канта. Но их по праву можно назвать новыми кантианцами, поскольку, возвращаясь к Канту, они в то же время вели научную философию значительно вперед. Это соответствовало ситуации их времени. Кант был забыт или больше не понимался. Идеи, преобладавшие в то время, исходили из кругов мысли, которые Кант преодолел еще столетие назад. Поэтому будущее принадлежало новым кантианцам. Конечно, каждый из них внес свой особый вклад в философию, и их объединяло лишь несколько основных понятий, которые они взяли у Канта. Но именно это показывает, что они не только восстанавливали то, что существовало раньше, но и одновременно прокладывали новые пути.

Это дает нам довольно ясное представление о неокантианстве как об исторически ограниченном, уникальном философском движении, возникшем в последние десятилетия прошлого века, и тогда, наряду с Когеном и Виндельбандом, Ризель также должен быть причислен к его представителям как один из тех, кто развивал особо своеобразные и характерные мысли.

В то же время следует добавить: Ризель был последним из этой группы. Он пережил всех других значимых неокантианцев, хотя и не был самым молодым из них, так что с ним неокантианство закончилось как историческое явление. Сегодня нет мыслителя самостоятельного значения, к которому бы подходило имя неокантианца, и иначе быть не может. Неокантианство в указанном здесь смысле завершило свою работу для тех, кто не игнорирует результаты науки в решающем пункте: основные понятия трудов Канта, которые для нашего времени стали трудными для понимания, поскольку для того, чтобы найти свой путь в Канте, нужно хорошо знать философию XVIII века, в которой вырос Кант, получили в трудах неокантианства форму, в которой их может понять каждый, кто вообще способен к философскому мышлению. Нам больше не нужны новые неокантианцы. Они не смогут найти работу, какую еще надо закончить.

Это, конечно, не означает, что все современные «философы» поняли то, что важно в Канте. Ведь есть еще люди, которые философствуют и при этом относятся к области «трансцендентального», т.е. к «формам восприятия», «категориям», «идеям», «трансцендентальной апперцепции» или «сознанию вообще» и т.д., открытых Кантом как совершенно новым, либо как к трансцендентально-метафизическим, либо как к эмпирико-психическим, т.е. не имеют представления о том, в чем состоит решающий аккорд Канта. Но этот факт не имеет никакого отношения к научной философии, пока речь идет о ней. Таких людей можно сравнить с учениками, которых нельзя «посадить» на «приму» самостоятельной философской работы, потому что они еще не усвоили «второстепенное». Сегодня это полностью их собственная вина. Теперь даже для тех, кто не в состоянии понять смысл кантовских текстов, чтение которых требует основательной историко-философской подготовки, в трудах неокантианцев есть книги, из которых они могли бы узнать, что имел в виду Кант. Если они этого не сделают, то останутся «секундантами» на философских катетах.

Особенно тот, кто вместе с Когеном, Ризелем и Виндельбандом найдет там все необходимое, чтобы овладеть предпосылками и основами кантовской трансцендентальной философии, и таким образом сможет перейти к изучению оригиналов, оставшихся для него непонятными до тех пор, пока к ним обращались как к папирусу, который только что открыли. Если, несмотря на такую подготовку, он все же не в состоянии «вообразить», как любят говорить дилетанты, то есть мыслить, что-либо о «трансцендентальной» сущности, ни психической, ни метафизической, то ему лучше отказаться от изучения научной философии. Он недостаточно одарен для абстрактного мышления, которое в ней необходимо. То, что Кант до сих пор не понял, является, таким образом, лишь, так сказать, педагогическим обстоятельством.

Итак, ситуация такова: науке сегодня не нужно заново оживлять кантовские мысли. Они уже были воплощены в жизнь неокантианством, и каждый, кто хочет чего-то достичь в научном

плане, должен продолжать строить на их основе. Мы обязаны неокантианству нашей величайшей благодарностью. Оно обеспечило последний подъем в философии. Но теперь он закончен как просто неокантианство. Его достижения относятся к тому незыблемому запасу исследований, которые необходимо освоить.

В таких фразах нельзя усмотреть никаких следов кантианского догматизма. Это было бы, конечно, очень некритично, поскольку – до кантианства – можно опровергать трансцендентальную философию. Каждый имеет на это право, более того, если он знает причины, он обязан это сделать. Но тогда он должен действительно опровергнуть трансцендентальную философию. Ни при каких обстоятельствах не допустимо представлять критицизм, будь то одобрительно или неодобрительно, как если бы он преподавал психологию, метафизику или мутную смесь того и другого. Неокантианство покончило с этой басней раз и навсегда.

Нам нет необходимости развивать здесь понятие неокантианца в целом; более того, мы не должны определять его более точно по содержанию, если хотим, чтобы оно подходило ко всем неокантианцам в нашем понимании. Сказанного достаточно, чтобы указать, так сказать, «genus proximum» [следующий более высокий родовой термин – *wp*], под который подпадает личность мыслителя, подобного Ризлю. После этого мы должны спросить о «*differentia specifica*» [различие между суб- и родовым понятием], т.е. о том, что отличает Ризля от других неокантианцев, и на чем, в рамках неокантианства, основывается его особое значение. До сих пор на это были сделаны лишь намеки. Я хотел бы представить то, что еще предстоит сказать, в виде описания развития Ризля, по крайней мере, в соответствии с его основными чертами, и таким образом, чтобы в то же время возникли очертания его человеческой природы. Я хочу связать с этим личные воспоминания. Во Фрайбурге, в течение пяти лет, когда мы работали в одном университете, я имел честь много общаться с автором «Философской критики», в то время, когда в нем происходили интересные изменения. Поэтому, возможно, я могу сказать несколько вещей, которые, конечно, не являются общеизвестными (1).

Ризль родился в Больцано и иногда полушутливо называл себя «тирольским крестьянином». Он особенно любил горы своей родины, по которым необычайно искусно лазал. Даже будучи пожилым человеком, он совершал походы в Доломиты, казавшиеся некоторым небезопасными. Сам он чувствовал себя в горах в полной безопасности, так что в безобидном Шварцвальде стал почти самоуверенным. Быстро сбегая по горному склону, он однажды опрокинулся там и остался лежать без сознания. Долгое время он не мог простить себе этого несчастного случая «на таком холме», как он говорил.

Удовольствие, получаемое Ризлем от физических упражнений, не было внешней чертой, а было свойственно ему в целом. Учитель гимнастики мог бы также назвать его «Платоном», как он однажды назвал сына Аристона. Как бы часто я ни соприкасался с ним, я чувствовал, хотя и был почти на 20 лет моложе его, что в его натуре была юношеская бодрость. В нем жила природная свежесть и оригинальность, которую никакая культура, какой бы высокой она ни была, не могла затушевать. И это казалось тем более достойным восхищения, если учесть тяжелые личные судьбы, постигшие его в раннем возрасте. Он потерял любимую жену в молодом возрасте, а из четырех детей, родившихся от этого брака, двое старших сыновей были отняты у него в расцвете сил. Во втором браке, который он заключил в конце тридцатых годов и в котором, к сожалению, остался бездетным, он обрел новое полное счастье. Но его последний, самый младший сын и единственная дочь, которая была замужем за братом его второй жены, также умерли молодыми задолго до него. Те, кто знал его, знали, как тяжело страдал он от постоянных инсультов. Но его темперамент и умственная эластичность оставались несокрушимыми. Даже в старости его ум был открыт для всего, что приносила новая эпоха.

В молодости Ризль изучал классическую филологию и стал учителем гимназии в Клагенфурте. В возрасте 26 лет он написал свой первый философский трактат «Реалистические основы» и поступил в университет Граца, где в 1873 году стал доцентом, а в 1878 году – про-

фессором. Уже в 1872 году он опубликовал еще две работы: «Мораль и догма» и «О начале и форме философии». Однако эти работы еще не занимали того места, которое он отстаивал впоследствии. Они следуют за Лейбницем и Гербартом, и он сам называл их реализм «догматическим». Решающий поворот в его интеллектуальной жизни произошел только благодаря углубленному изучению естественных наук и повторному изучению Канта. Из их сочетания вырос его главный труд «Философская критика», первый том которого он опубликовал в 1876 году. В нем содержится история критического мышления от Локка до «Критики чистого разума».

Если мы хотим понять, что означала эта книга, когда она появилась, мы должны вспомнить, какие труды о Канте были доступны в то время. На первом месте стоит работа Куно Фишера, появившаяся уже в 1860 г. Однако Фишер был не новокантианцем, а историком и мало повлиял на Риэля. Он также не почувствовал влияния работы Отто Либманна «Кант и эпигоны», которая была опубликована в 1865 году. За ней в 1866 году

последовала «История материализма» Ф. А. Ланге, а в 1871 году – «Теория опыта Канта» Германна Когена. Обе книги имели большой успех. Таким образом, Риэль не был первым, кто дал импульс новокантианскому движению. Но одна его сторона, ставшая весьма существенной, обязана своим происхождением прежде всего ему, и именно на нее мы должны теперь обратить наше внимание.

Эрнст Хоффманн в своей речи, произнесенной в Гейдельбергском университете по случаю столетнего юбилея Куно Фишера, четко разграничивает работы великого гейдельбергского историка о Канте и взгляды на Канта Когена и Риэля. Куно Фишер уже в 1860 году полностью изложил Кант, и лишь Виндельбанд» вернул» его в 1880 году. Коген в одиночку провел линию, отмеченную точками Декарт, Лейбниц, Кант. С другой стороны, у Риэля речь идет, так же единолично, о пути, ведущем от Локка через Юма к Канту. Это действительно решающий момент, с которого следует понимать оригинальность и значение Риэля. Его историческая избирательность стала его систематической опорой.

С самого начала он не понимал под критицизмом исключительно философию Канта. Кант был для него лишь величайшим представителем критического духа. Он не считал, что сам критический образ мышления зависит от его наиболее успешного выражения. Скорее, по его словам, его следы прослеживаются уже в античности, а сам он хотел дальнейшего развития критической мысли «в ее значении для позитивной науки». Эта фраза уже стояла на титуле первого издания его главного труда. Это привело к тому, что Риэль был причислен к «позитивистам». Но это в корне неверно, если воспринимать это слово в его обычном значении. Риэль никогда не считал, что сама философия должна развиваться как позитивная наука, то есть как специальные дисциплины. Для него важна была теория позитивной науки, а она, как и всякая теория, должна была стоять выше своего объекта. Это можно выразить и таким образом: Риэль признавал эмпиризм как источник позитивного знания, но он никогда не был «эмпириком».

Причислять его к позитивистам или эмпирикам недопустимо, поскольку он, более других мыслителей своего времени, подчеркивал «реалистический» момент в кантовской философии и считал его необходимым. Реализм Канта заключается в учении о «вещи в себе», а она не может быть разрешена в позитивные факты опыта. Риэль не только подчеркнул, что эта «вещь-в-себе» никогда не становилась проблематичной для самого Канта, но и попытался показать, что Кант был прав: реальность никак нельзя понимать идеалистически как мир сознания, как хотели великие ученики Канта и как учит позитивизм. Риэль был так же далек от позитивизма, как и от идеализма. В сознании существуют «видимости» и, кроме того, трансцендентная реальность, которая, однако, не может быть познана научно. Отдельные науки остаются в пределах явлений, а задача философии – понять научное знание о явлениях как объективно достоверное, показав в нем «трансцендентные» факторы. В этом Риэль видел непреходящее значение кантовского критицизма, и именно это он хотел раскрыть «в его

значении для позитивной науки», т.е. прежде всего для естественных наук. Таким образом, с 1876 года он активно участвует в неокантианском движении.

Собственная работа Риэля по дальнейшему развитию критического мышления по-прежнему ориентировалась на эти мысли. Уже в 1879 году появилась вторая часть его главного труда, в которой чисто систематически излагались «чувственные и логические основы познания». Здесь более чем где-либо ощущается сильное влияние, которое оказало на Риэля его увлечение естественными науками. Оно придает этой части его работы особенно обособленный характер, но в то же время обеспечивает ей особое положение в неокантианском движении. Мы не можем здесь вдаваться в подробности. Важно прежде всего то, что сближение, происходившее в то время между естествознанием и философией, стало здесь фактически союзом, который принес новую философскую жизнь, также явно отличающуюся от мыслепформ других неокантианцев.

Выпустив первые два тома своей «Критики», Риэль в то же время занял прочное и признанное место в научной философии своего времени. Поэтому, когда в 1883 году Виндельбанд уехал из Фрайбурга в Страсбург, он не мог сделать ничего лучшего, чем предложить Риэля в качестве своего преемника. Риэль был назначен и проработал во Фрайбурге тринадцать лет. Даже его вступительная речь на тему «Научная и ненаучная философия» была очень характерна для дальнейшего развития его мысли. Научная философия оставалась для него в основном теорией познания. Но он вовсе не собирался ограничивать философию эпистемологическими проблемами. Он допускал также возможность рассматривать ее как всеобъемлющее «мировоззрение». Только: в таком виде он не придавал ей «научного» характера, поскольку она зависит не от теоретических оснований, а от практических убеждений, а сам Риэль по-прежнему хотел действовать прежде всего как строго научный мыслитель.

В этом смысле он также написал третью и последнюю часть «Философской критики», которая появилась в 1887 году под названием «О философии науки и метафизике». Одно только слово «*Zug*» имеет большое значение. Философская система, подводящая всю мысль к завершению и тем самым ставшая «косной», не входила в планы Риэля. Критическая философия должна была идти в ногу с развитием позитивных наук и иметь возможность развиваться дальше. Этому соответствует следующее: в ряде относительно самостоятельных исследований в новой работе Риэля рассматриваются вопросы о границах и понятии опыта, о метафизическом и научном построении систем, о реальности внешнего мира и идеалистической теории, о связи психических явлений с материальными процессами, о детерминизме воли и практической свободе, о космологической проблеме бесконечного и, наконец, о необходимости и целесообразности. Особого внимания заслуживает «Приложение» о дарвинизме и трансцендентальной философии – жесткое опровержение «прагматизма» до изобретения этого крылатого слова.

В нашем кратком обзоре невозможно даже намекнуть на обилие отдельных проблем, все из которых представлены здесь с единой точки зрения критического реализма. Речь идет лишь о самой общей тенденции и конечной цели работы, и здесь характерны, в частности, два момента, касающиеся двойного смысла, с каким мышление Риэля было направлено «эпистемологически».

Позже он сказал: «Критика чистого разума утверждает метафизическое, она отрицает метафизику». Соответственно, даже здесь он утверждает «вещь-в-себе», но метафизические проблемы превращаются для него в проблемы эпистемологии. Лишь с большой осторожностью он занимает позицию по традиционным метафизическим вопросам и затем выступает за «критический монизм», при этом, конечно, следует иметь в виду не так называемый монизм Геккеля, а Спинозы. Риэль любил его и пытался постичь его монизм эпистемологически. Более того, его «Критика» 1887 года имеет одностороннюю эпистемологическую тенденцию. В предисловии к последней части его основной работы говорится – и это звучит почти как извине-

ние, – что при рассмотрении вопроса о детерминизме нельзя было полностью избежать вторжения в область практической философии; однако он постарался как можно меньше использовать это пересечение границ, которого требовала природа предмета.

Даже перечисление различных тем этой работы показывает, что в ней рассматривается большинство фундаментальных проблем всей теоретической философии, поскольку она сформирована на критической почве, и действительно можно сказать: творчество Ризеля, в той мере, в какой оно относится к чисто научной философии, завершилось в основном последним томом его «Критики». Автору было тогда 44 года, и впереди его ждала еще долгая жизнь. Он не написал второй новой работы, почти такой же важной, как первая.

И все же! В «Критике» мы еще не имеем цельного труда всей жизни Ризеля. То, что он называл «ненаучной философией», до сих пор было лишь в значительной степени отграничено от науки, но отнюдь не являлось ее самостоятельным предметом, и это легко понять, если рассмотреть демаркацию, сформулированную в последнем томе «Критики». Там Ризель говорит, что целью теоретической теории является познание, основой практической концепции – оценка явлений.

«Как без ощущений для нас не может быть качества вещи, так без ощущений не может быть и ее значения. Но вопрос: что такое вещи для чувств и познания, без сомнения, существенно отличается от вопроса, что они значат для суждения с помощью наших чувств, и это, конечно, нечто другое, должны ли мы приписывать процессы в природе их последним узнаваемым причинам или говорить, как наш разум действует в ответ на них».

Действительно: если знать ценность только как акт оценки и ставить «смысл» в зависимость от «чувства», то разделение Ризеля на научную и ненаучную философию является последовательным, и становится понятно, почему он использовал свое отделение теоретических вопросов от практических или проблем бытия от проблем ценности по существу только для того, чтобы оправдать сужение своей работы до теоретических проблем. В его собственной работе «ненаучная философия» не могла играть большой роли. Акты оценки и чувства должны быть оставлены эмпирической психологии как объекты науки.

Однако теперь, после завершения основной работы, интерес Ризеля к «практическим» вопросам становился все более и более устойчивым, и вскоре он стал очень широко смотреть на их область. Мир ценностей», как назвал эту область кантианец Ланге в 1866 году, за много лет до появления Ницше, стала интересовать Ризеля философски во всем ее объеме, и это произошло раньше, чем «Zeitgeist» под влиянием Ницше в целом обратился к проблемам ценностей. В то время, когда это еще было скрыто от «общественного мнения», Ризель увидел то, что впоследствии стало движущей силой в будущем.

В эти годы, когда Ризель занимался проблемами ценностей и постепенно и почти незаметно происходило изменение его позиции в отношении понятия ценности, я познакомился с ним лично. В конце 1889 года я переехал во Фрайбург и искал связи с тамошним университетом. Мои основные теоретические убеждения были настолько противоположны убеждениям Ризеля, насколько это было возможно в рамках философии, не отвергающей Канта. Более того, я приехал как студент Виндельбанда, которого Ризель не любил, более того, недооценивал, при этом следует отметить, что главный труд Виндельбанда, «Gesamtgeschichte der europäischen Philosophie», в то время еще не был завершен. Я не знал, удастся ли мне пообщаться с Ризелем, которого я знал только по его книгам как сильного, но весьма однобокого мыслителя. Но он не только встретил меня с большой личной любезностью, но и вскоре я смог восхититься необычайной широтой его интеллектуального кругозора и необычной способностью объективно оценивать чужие мысли. Через некоторое время он фактически пригласил меня на стажировку во Фрайбурге, хотя в то время в печати была доступна только моя докторская диссертация, а когда я представил ему черновик своей работы об «Объекте познания», в которой почти каждое предложение должно было вызвать его противоречие, он проявил великодушные

и научную терпимость, которые я лишь изредка встречал вновь в академической жизни. Вскоре мне разрешили работать рядом с ним в качестве «коллеги».

Постепенно между нами возникло живое личное общение, которое привело к дружбе, которая никогда не омрачалась, так как она не могла быть более сердечной, учитывая большую разницу в возрасте и кардинально противоположный образ мышления в решающих вопросах. Человек, которого я поначалу несколько сторонился, стал большим подспорьем в моей жизни.

Однако в первый период после моей защиты докторской диссертации мы избегали глубокого обсуждения эпистемологических вопросов. Но было достаточно других проблем, в которых у нас был общий интерес. Все они лежали в сфере, которая для Риэля относилась к «ненаучной» философии, и прежде всего были три широко расходящиеся темы, вокруг которых вращались наши дискуссии, в основном во время долгих прогулок по лесу: изобразительное искусство, особенно скульптура, Фридрих Ницше и, наконец, философия культуры и истории Фихте. Все три темы сыграли свою роль в последующих работах Риэля.

«Проблема формы в изобразительном искусстве» скульптора Адольфа Хильдебранда сразу же вызвала живое участие Риэля, когда она появилась. Тогда он пожаловался мне, что никто из его фрайбургских коллег не понимает его. Подобные мысли не покидали и меня. Будучи студентом в Страсбурге, я уже был знаком с Хансом фон Маресом и Конрадом Фидлером через Хуберта Янитшека, с которым мне разрешили провести много вечеров, болтая в «Germania». Таким образом, мы с Риэлем нашли область, в которой мы могли прекрасно общаться, не касаясь эпистемологических проблем. В своей комнате Риэль установил несколько больших фотографий, перед которыми мы упражнялись в восприятии произведений круговой скульптуры как «рельефов» и подробно обсуждали все проблемы Хильдебранда перед конкретными видами. Позже, в своих «Замечаниях о проблеме формы в поэзии» (1897/98), Риэль попытался перенести мысли Хильдебранда в поэтику. Это была одна из первых частей его «ненаучной философии». К сожалению, он остался с этим фрагментом эстетики, который как фрагмент не мог иметь такого же эффекта, как другие труды его автора.

Напротив, книга о Фридрихе Ницше, которую Риэль опубликовал в 1897 году, стала очень известной. Она возникла из лекций, которые он читал во Фрайбургском актовом зале, и выдержала множество изданий. Примечательно, что ее подзаголовок звучал так: «Художник и мыслитель». Такой порядок не случаен.

Когда я познакомился с Риэлем, Ницше только начинал становиться известным в широких кругах. Риэль лишь бегло просмотрел тома афоризмов, и он (справедливо) не принял всерьез замечания Ницше о научных философах, особенно о Канте. Я был увлечен Ницше еще молодым студентом, когда Ницше жил незаметно и одиноко в Сильс-Мариин, и его невежество в научно-философской области меня еще не очень беспокоило, потому что я сам был невежественным. Моя любовь к писателю Ницше также никогда не угасала. В то время я пытался убедить Риэля читать глубже, и, наконец, мне это удалось: мы снова нашли друг друга в области искусства. Художественный мыслитель привлекал Риэля все больше и больше, и вскоре он уже больше, чем я, погружался в свои труды. Теперь ему было важно отличить поэта Заратустру от научной философии, как он ее понимал, и тем самым отдать ему справедливость. Именно с этой точки зрения следует читать книгу о Ницше, которая появилась в результате этих усилий. Тогда можно убедиться, что и сегодня она является для научных людей одним из самых поучительных трудов, которые существуют о Ницше.

Энтузиасты Ницше, разумеется, ничего не могут с этим поделать, поскольку, несмотря на всю магию, которую художник Ницше оказывал на Риэля, тот всегда сохранял по отношению к нему критическое хладнокровие теоретического мыслителя. Он не был человеком, которого можно ослепить возмутительным стилистическим искусством, и при всем своем одобрении того обилия «духа», которое мастер афоризма подавал в таком удобном и безответственном фрагменте, Риэль никогда не упускал из виду, насколько слаба была собственно философская

«субстанция» Ницше не только в теоретическом, но и в практическом отношении. Это должно было стать особенно очевидным, когда он сравнивал его с действительно «великими» философами. Даже в своем последнем опубликованном томе, где он говорит об автономии Канта, Риль заявляет:

«Ницше признавал: автономное и моральное – взаимоисключающие понятия. Но Ницше не мог понять Канта. Он также видел моральную философию Канта только в том ложном свете, в котором ее показал ему Шопенгауэр. Именно поэтому он придерживался категорического императива, простой формулы морального закона, уместность которой можно обсуждать, а не принципа. Но когда он торжествующе восклицает против Канта: императив принадлежит императору, от него только что полностью ускользнуло, что император морального мира – это, по Канту, наше собственное глубочайшее „я“, то, что он повелевает, наша истинная и сокровенная воля. На вопрос Заратустры: „Можно ли дать себе зло и добро и повесить свою волю над собой, как закон?“ Кант уже давно дал ответ: Человек был связан с законами своими обязанностями, но ему не приходило в голову, что он подчиняется только своему собственному и притом общему законодательству – ведь основанием достоинства разумного существа является то, что оно не подчиняется никакому закону, кроме того, который сам же его и дает».

Это сопоставление слов Канта и Ницше может дать представление о том, как Риль выразил и убедительно изложил свое мнение с непревзойденной лаконичностью. Только невежды могут поверить, что Ницше сделал хоть малейший шаг дальше Канта в вопросах этического принципа, и только энтузиасты будут считать Ницше великим «философом» в том смысле, в каком им был Кант. Но Риль никогда не писал для энтузиастов, а всегда для людей, которые хотят чему-то научиться.

Наиболее упорное неприятие оказал Риль во Фрайбурге на мои попытки подружиться его с Фихте. Он прямо отверг «Wissenschaftslehre» 1794 года. Надежды на взаимопонимание не было. Когда в одном из первых семестров в качестве приват-доцента я объявил лекцию по Фихте, он выразил свое изумление: «Целый колледж только по Фихте?», а когда я однажды (несколько неосторожно) заговорил о «Николаях нашего времени», его глаза сверкнули на меня: «Интересно, я включаю его в их число?». Я с чистой совестью заверил его, что я далек от этого, и мы оба рассмеялись. Но тема «Фихте» на некоторое время была снята с повестки дня.

И тут мне на помощь пришел случай. Риль хотел поговорить о Руссо, и я в шутку спросил его, не будет ли он также обращать внимание на критику Руссо, которая есть в лекциях Фихте «Определение ученого» (1794). Он серьезно ответил мне, что не знает об этом. Но уже на следующий день он прочитал ее, и теперь лед был сломан. Он посчитал, что ничего более глубокого в Руссо нет. Затем он продолжал с удовольствием читать «Фихте» и вскоре проникся самой горячей симпатией к патриоту, педагогу, философу культуры и истории в целом. В обращении, которое мы вручили Риллю в день его восьмидесятилетия, с полным правом можно сказать, что он был не только «воспитан в критическом духе Канта» и «исполнен достойной самодисциплины Спинозы в рамках всеобщего закона», но и «вдохновлен творческим пылом немецкого провозвестника идей Фихте». Еще во Фрайбурге для меня было большой личной радостью наблюдать, как развивается и растет интерес Риля к Фихте. Теперь я мог откровенно говорить с ним на тему, которая была мне гораздо ближе, чем Гильдебранд или Ницше.

Мои воспоминания не будут истолкованы так, будто я имел в виду, что «повлиял» на Рилья в существенных моментах в этот важный период развития его духовной жизни. Я был лишь *causa occasionalis* [случайной причиной – *wp*], благодаря которой некоторые ранее далекие интеллектуальные продукты были приближены к нему. В разговоре, даже когда я знал материал лучше, чем он, я всегда выступал в роли получателя, что само собой разумеется в разговорах между зрелым человеком, который завершил большую часть своей жизненной работы, и молодым новичком. В любом случае, я не чувствовал себя призванным читать лекции Риллю.

Я хотел чему-то научиться у него, даже если я ему противоречил, и я в значительной степени достиг этой цели. Многие из бесед о Хильдебранде и Ницше, а затем о Фихте и других, по мнению Риэля, «ненаучных» философов, навсегда останутся для меня незабываемыми. Огненный темперамент, который он сочетал с пронизательной пронизательностью, имел в таких случаях нечто восхитительное. Риэль с поразительной быстротой вникал в новую тему, и тут же то, что он усваивал, продолжало работать в нем самостоятельно.

Вскоре «мир ценностей» стал играть роль и в его литературных планах. Уже во Фрайбурге он задумал дополнение к своей «Философской критике», в котором бы всесторонне рассматривались вопросы философии ценностей, и никогда полностью не отказывался от этой мысли. Уже в мае этого года в предпоследнем письме, которое я получил от него, говорится:

«Дополнением к моей теоретической работе могла бы стать только критика общезначимых ценностей, которую я до сих пор давал только в своих лекциях и в намеках на введение. Я не знаю, хватит ли еще моих сил для разработки учения об этих ценностях».

Что ж, работа не увидела свет, но некоторые его труды содержат чрезвычайно интересные замечания, в том числе и по проблемам философии ценностей. Было бы очень приятно, если бы лекции, о которых он мне писал, были опубликованы из его наследства.

После того, как во Фрайбурге мы нашли область внетеоретической философии, в которой мы прекрасно общались, хотя Риэль по-прежнему не хотел ничего знать о научной трактовке этих проблем, мы, наконец, глубоко обсудили друг с другом эпистемологические вопросы. Я многому научился в ходе обсуждения. Для Риэля было важно, чтобы я хотя бы понимал его, даже если я не мог с ним согласиться, и ему действительно удалось в разговоре приблизить свои мысли ко мне ближе, чем это было возможно через печатную формулировку. Тогда он связал мотивы, побудившие его придерживаться «вещи-в-себе», прежде всего с проблемой иррациональности, которая действительно содержит в себе полную реальность. Отсюда он обосновывал необходимость утверждения в качестве «реального» того, что никогда не может быть поглощено познающим субъектом, и что, будучи вещью-в-себе данной реальности, познаваемой независимо от любого субъекта, всегда будет сохранять свое бытие вне сознания. Это затрагивало проблемы моей книги о границах научной понятийной мысли, над которой я в то время работал и мысли которой мне разрешили подробно развить для него. Риэль сказал, что здесь я был таким же «реалистом», как и он. Так мы, наконец, нашли друг друга в теоретических вопросах, которые были в центре нашей научной работы, и в то же время, в наилучшей личной гармонии, мы установили те точки, которые навсегда разделили нас фактически.

К сожалению, во Фрайбурге Риэль в некоторых отношениях чувствовал себя неуютно. Он был урожденным католиком, но позже оставил церковь. Это поставило его в неловкое положение в университете. Теологам, которые без возражений посещали протестантский колледж Виндельбанда, было запрещено посещать его лекции (в том числе, кстати, и мои), и это его очень не устраивало. Когда в 1896 году пришел вызов в Кильский университет, он последовал ему. Ему было нелегко покинуть Фрайбург. Он любил город, собор, великолепные окрестности, а в своем доме он и его жена культивировали живое общение, которое не могло быть более изящным и стимулирующим. Но он желал иметь иную академическую сферу, чем та, что была во Фрайбурге. По случаю его развода я также познакомился с щедростью его личного характера. Он сделал все возможное, чтобы я стал его преемником, хотя прекрасно знал, что я буду отстаивать на его любимом кафедре мысли, диаметрально противоположные тому, что он считал правильным в решающих моментах. Он побудил меня опубликовать первые главы моей еще не законченной книги о границах формирования понятий в естественных науках в качестве «первой половины». Вскоре после этого я получил его кафедру, где оставался в течение двадцати лет. Таким образом, я лично во многом обязан Риэлю. Чувство этого никогда не угаснет во мне, и я чувствую необходимость выразить его публично.

После того, как Ризель покинул Фрайбург, он работал сначала в Киле, затем в Галле и, наконец, с 1905 года – в Берлине. Впервые после смерти Лотце столица Рейха увидела на кафедре своего университета выдающегося систематика. Берлинская академия, конечно, закрыла перед ним свои двери. Но они также не смогли прибегнуть к помощи Фихте. Поэтому Ризель был в хорошей компании. Он имел сильное влияние на берлинское студенчество, и число его учеников было очень велико, хотя он и не создал «школы». Во многих отношениях берлинский период был, вероятно, высшей точкой его жизни.

Он не создал второй всеобъемлющей работы, подобной его «Критике». Его «Einführung in die Philosophie der Gegenwart» (Введение в современную философию), возникшее на основе лекций и являющееся существенным дополнением к его основному труду, широко читается. В остальном, кроме уже упомянутых совершенно новых работ, появились лишь небольшие трактаты. Последний период был посвящен сбору урожая. В 1922 году Ризель опубликовал том под названием «Ведущие мыслители и исследователи», в котором он обобщил свои исторические эссе, а этой осенью наконец появилась вторая антология, о которой говорилось в начале этого некролога.

Возможно, кто-то удивится тому, что продуктивность Ризеля в последние десятилетия его жизни, кажется, стала ниже, чем в семидесятые и восьмидесятые годы прошлого века. Но это можно признать верным лишь в ограниченном смысле. В любом случае, этот человек никогда не был праздным. Позже его основной работой стал новый замысел его основной работы. Однако долгое время это происходило лишь в тишине. Она началась еще во Фрайбурге, но только в 1908 году первый том «Критицизма» был снова опубликован. С другой стороны, как говорит сам Ризель, «из этого выросла почти новая книга». Не более трети нового текста совпадает со старым. Точка зрения и расположение мыслей остались неизменными, но Ризель самым подробным образом обработал ставший за это время доступным исходный материал и с непревзойденным мастерством использовал его для обоснования своей точки зрения. Каждый, кто хочет познакомиться и понять реалистические моменты кантовской философии, фактическое существование которых никто не может отрицать, должен обратиться к этой работе, которая недавно вышла в третьем издании, фактически без изменений.

Вторая и третья части «Критики» еще не поступили в книжную торговлю в измененном издании, но, насколько мне известно, Ризель переработал и эти два тома, о чем уже объявил издатель, и можно надеяться, что они скоро появятся. Все, кому небезразлична научная философия, должны ждать их с самым живым нетерпением. В них Ризель в принципе не изменит своей точки зрения, но можно предположить, что и здесь он дополнит и расширит аргументацию. Таким образом, эта работа может иметь сильное влияние и после смерти ее автора.

В это можно верить тем более, что Ризель до конца оставался духовно «молодым» и не терял связи с движениями того времени. В своем последнем письме от 30 июля 1924 года он писал мне: «Подробное чтение Вашего Канта дало мне приятное ощущение, что я еще не слишком стар и застыл, чтобы понимать и внутренне усваивать новое». Он действительно не ошибся, о чем свидетельствует его письмо. В некоторых отношениях он должен был видеть «Канта как философа современной культуры» совсем иначе, чем я, и все же то, что он написал мне о моей книге, наполнено тончайшим пониманием моих намерений. В то же время это было последнее подтверждение дружбы, которую я приобрел более века назад.

Неизменная связь Рилиа с течениями времени даже в преклонном возрасте недвусмысленно проявляется в его многократно цитируемой речи о значении философии в настоящем. Для него научное мышление того времени коренилось в критике Канта. Но он не строил иллюзий по поводу того, что период философии, одним из представителей которого был он сам, многим уже кажется вновь пройденным, более того, прослеживал изменения еще в прошлом веке.

«Молодое поколение девяностых годов, – говорил он, – демонстрирует, по сравнению со своими предшественниками, новую духовную конституцию, измененное направление своего мышления. Они почувствовали неудовлетворенность простой наукой. Ницше был их выразителем, жизнь, увеличение жизни – их лозунгом».

Враждебен ли сейчас Риэль этим течениям? Конечно, нет. Он признает право на изменение взглядов.

«Наука, или, что в то время означало почти то же самое, естествознание, как бы захватила власть. Она распространила свои притязания на господство за пределы своей законной сферы, но не со стороны своих действительных представителей, а со стороны тех, кто догматически присвоил ее результаты».

В качестве примера Риэль особо отмечает, что историки всерьез пытались сделать точную науку из самой истории, и продолжает:

«Человек рассматривался ими как продукт своей среды. Они не видели, если перефразировать поговорку, деревьев перед лесом, массовых явлений и их статистики перед личными силами истории».

Напротив, согласно Риэлю, реакция была неизбежной. Молодое поколение считало науку «бесчеловечной». Она не могла заменить религию, как и искусство. «Она только думает, она не действует, ее царство – мертвые, живые застыли перед ее концепциями». Таким образом, Риэль воспроизводит взгляды молодого поколения еще до войны с лозунгами, которые сегодня звучат повсюду, и он прекрасно понимает, почему они должны были возникнуть.

Но с другой стороны, он так же хорошо знает, что, как обычно встречное течение качается в противоположную сторону, так и реакция против интеллектуализма науки, которая вышла за пределы цели.

«Снова стали философствовать без науки и против науки. Снова литература возобладала над философией, и в лучшем случае продукты, принадлежащие к ней, рассматриваются как литературные продукты».

Это и сегодня, особенно сегодня, бьет в самую точку, и в отличие от этого Риэль совершенно ясно говорит об этом еще до войны:

«Эта новая философия интуиции на самом деле является лишь возрождением романтизма. Романтизм тоже был реакцией чувства и воображения против разума и ясности; в нем тоже поэзия господствовала над философией; он тоже обозначает по сути литературную эпоху. И совершенно романтическим является миф о творческом развитии».

Против такого рода натурфилософии, которая не является ни философией, ни естественной наукой, говорит Риэль, поздний Фихте уже сказал правильное слово:

«Не имея возможности обосновать свои неясные мысли, она вместо оснований ссылается на способность, которой она бредит, и называет ее интеллектуальным Anschauung. Сегодня эту способность называют интеллектуальной симпатией, интуицией».

Такие и подобные предложения Риэля от 1913 года без ограничений относятся к настоящему времени. Послевоенные годы лишь довели до ума то, что уже было до этого. В принципе, «Zeitgeist» остался таким, каким его изобразил Риэль более десяти лет назад. Недавно опубликованная речь выглядит так, как будто она была произнесена совсем недавно.

В крайнем случае, можно сказать: похоже, что реакция против науки уже подходит к концу, и что скоро мы должны ожидать от молодого поколения несколько большего интереса к строго научному мышлению в философии, чем от молодежи, которая выбрала своим лидером Ницше [FN/riehl_nietzsche]. В конце концов, невозможно выдержать потакание «духу» или «глубине» и броским речам, с помощью которых каждый раз заново обжимается пригтовленный человечеством шницель. Усталость от этого рано или поздно должна наступить. Однако, кроме первых признаков перемены, пока ничего не видно, но это тем более верно, что «Критика» Риэля может стать хорошей школой для самой молодой молодежи, насколько

она жаждет простых и ясных мыслей, изложенных с убежденностью в их объективной истинности образцовым объективным языком, если она, наконец, решит снова серьезно заняться философией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.